

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ ПО СЛАВЯНСКОЙ ЛЕКСИКЕ. 13–18*

А. И. Илиади

13. В ярославских говорах русского языка отмечено слово *плѣпля*, которым характеризуют неряшливо одетого человека, ср. «Как *плѣпля* ходить», «Ходит как *плѣпля*, срам смотреть» [11 (5: 13; 8: 6)]. Насколько нам известно, на славянской почве эта форма находит близкое соответствие (отличается только вокализмом) в виде украинского гидронима *Плѣпля* – река, п. Орели л. Днепра (впервые отмечен под 1779 г. [5: 428]). Думается, что с формальной стороны оба эти слова можно сравнивать с такими балтийскими и германскими лексемами, как лит. *plepėti* ‘болтать, беседовать; тараторить, трещать; сплетничать, судачить’, *plepỹs* ‘болтушка’, инхоатив *plėpti* (*plėptu, plėpaiũ*) ‘становиться разговорчивым, словоохотливым’, лтш. *plepis* ‘болтун’, нем. *plappern*, с.-нидерл. *pleppen*, квалифицируемые как ономотопы, ср. еще несколько отличные пол. *raplać* [14 (II: 616)] и рус. диал. смол. *пѣтля*, *пѣтля* неодобр. ‘о медлительном, нерасторопном человеке’, 1914 г. [6: 194].

* Продолжение. Начало см.: Восточноукраинский лингвистический сборник. – Донецк, 2002. – Вып. 8. – С. 273–277 (1–5); *Slavia orientalis*. – 2006. – Roczn. LV. – № 3. – С. 393–399 (6–12). Другие статьи этого цикла: Типологія мовних значень у діахронічному та зіставному аспектах. – Донецьк, 2009. – Вип. 20. – С. 149–153 (13–18); Типологія мовних значень у діахронічному та зіставному аспектах. – Донецьк, 2010. – Вип. 22. – С. 134–142 (19–23); Актуальные проблемы лингвистики. – Сургут, 2011. – Вып. 4. – С. 70–75 (24–27); Київська старовина. 2010. – № 3. – С. 33–35 (28–32); *Studia linguistica et juridica*. – Кировоград, 2010. – С. 98–104 (33–37); *Studia linguistica et juridica*. – Кировоград, 2011. – № 1. – С. 68–74 (38–44); Актуальные проблемы лингвистики. – Сургут, 2012. – Вып. 5. – С. 56–62 (45–49).

Очевидная звукоподражательная семантика приведенного материала ни в коей мере не препятствует объяснению славянских форм как, в общем, старых производных от несохранившихся глаголов, родственных перечисленным выше индоевропейским словам, т. е. от **plepti* (как **grebti*) и **plapiti* (как **grabiti*). Дело в том, что значение ‘неряшливо одетый человек’ можно объяснить как эволюцию первоначального *‘человек в порванной, изношенной одежде, оборванец’, которое легко мотивируется значением ‘кусок, лоскут’. Поскольку славянской этимологии знакомы случаи развития семантики ‘кусок, лоскут’ у производных от ономастиков (ср. рус. диал. *лэпет* ‘лоскут’, *лэпеть* ‘лоскут, кусочек рваной одежды’ как рефлекс **lepetъ*, **lepetь* < **lepetati* ‘невнятно говорить, лепетать, болтать, трепетать’ и под. звукоподражательного происхождения, ср. еще рус. *лепетина* ‘старая, изношенная одежда, которая рвется...’, в.-луж. диал. *lepotać* ‘обтерхаться (о старой одежде)’; см.: 9 [14: 125–126, 128–129]), генетическое отождествление рус. диал. яросл. *плэпля* и образований типа лит. *plerėti*, *plerỹs* и др. вполне допустимо. Происхождение же украинского потамонима *Плэпля* без труда толкуется в рамках мотивации названий водных объектов по характеру издаваемых ими шумов, ср. такие фигуральные названия русских водоемов, как *Болтун* (территория бывш. Новгородск. и Ярославск. губ.), *Болтуха* (бывш. Саратовск. губ. [18 (I: 184)]), восходящие к апеллативам, производным от *болтáть*.

В отношении словообразования **plepti* > **plep-ja*, **plapiti* > **plap-ja* ср. **grebti* ‘грести’ > **greb-ja*, **grabiti* ‘грабить, хватать, сгребать’ > **grab-ja* (подробнее см.: [9 (7: 97–98, 109)]).

14. Группу западнославянских лексем, представленную чеш. диал. морав. *vidřit* ‘посмотреть, увидеть’, (структурно модифицированные) *zvitřet* ‘(оскорбительно) то же’, *zjátřit* ‘заметить’, валаш. *zvadřit* ‘услышать, узнать’, словц. *zvidralý*

‘ставший умнее’, В. Махек объединил в рамках одной дефиниции с фонетически и семантически отдаленными лексемами типа слвц. *viet'it'* ‘быстро следить, искать, выглядывать’, *previdrený* ‘прошумевший, прогремевший’, в итоге сделав вывод «все неясно» [15: 566]. На наш взгляд, все приведенные выше формы (за исключением слвц. *viet'it'* и *previdrený*, генезис которых требует отдельного освещения) восходят к псл. **vidriti* (-*ěti*, -*ati*) с основой **vidr-*, этимологию которой целесообразно ориентировать на и.-е. **uid-r-*, ср. гр. ἰδρις ‘хорошо разбирающийся, знающий’, др.-ирл. *ro fetar* ‘я знаю’ и др. (этот материал анализируется в этимологическом гнезде, образованном основой и.-е. **uid-* ‘смотреть’ ~ ц.-сл. ѣ [19: 784: статья *videō* ‘смотрю, вижу’]).

Итак, если согласиться с тем, что названная славянская лексика сформирована на базе и.-е. **uid-r-* (полная ступень), останется сделать несколько замечаний касательно нюансов структуры и семантики некоторых рассмотренных глаголов. Значение слвц. *zvidralý* ‘ставший умнее’ логично понимать как ‘много узнавший’ (ср. валаш. *zvadřit* ‘услышать, узнать’), которое соотносится с ‘видеть, смотреть’, ‘замечать’, представленным в остальных приведенных глаголах, точно так же, как значения родственных ему **vědati*, *ведать* : **viděti*, *видеть*. Звуковой облик валаш. *zvadřit*, по всей видимости, обязан своим возникновением деэтимологизации, следы которой несут на себе все формы рассматриваемого лексического гнезда (ср., напр., перестройку вокализма корня, изменение анлаута и др.). Несколько сложнее дело обстоит с чеш. морав. *zjátřit* ‘заметить’, где этимологическое начальное **vi-* изменилось в *zjá-*, вероятно, вследствие влияния структурной аналогии чешских префиксальных форм типа *z-jitřiti* ‘растравить, растревожить, разбередить’ (это влияние затронуло и консонантизм корня, ср. *t* вместо *d*). Кроме того, в чешских диалектах начальные *j-* и *v-*

(независимо от того, исконный ли это элемент корня или же поздняя протеза) в этимологически тождественных словах варьируются (напр., *z-jitřiti* в говорах выступает еще в виде *z-vitřiti*, *vitřêt*; см.: [9 (6: 72): *ętriti]), и это соотношение *j-* : *v-* отчасти способствовало возникновению поздних вариантов с начальным *j-* параллельно тем, что сохраняют исконное *v-*.

15. В словаре украинских говоров западной Волыни регистрируется сущ. *лахубѣтник* (с пометой «редко») 'голодранец' [3: 153], которое в качестве первого компонента, определенно, содержит псл. **lahъ*/**laha* 'тряпье' (: укр. букв. *лах*, *лáхи* 'барахло, тряпье' [9 (14: 18)]). Вторая часть, надо полагать, является сложным образованием, состоящим из легко выделяемого суффиксального комплекса *-н-ик* и корня **бет-*. Этот последний воспроизводит фонетически измененное из-за частичной деэтимологизации псл. **bot-* : **botati* 'ударять', 'толкать', и в совокупности все сказанное выше дает основание для реконструкции на базе укр. *лахубѣтник* (< **лахуботник*) архаичного образования праславянского уровня **lahu-bot-*, генетически, структурно, семантически и типологически родственного **lahu-dьra* (~ **dьrati*), ср. рус. диал. *лахудра* 'оборванец' [9 (14: 18)].

16. Древнехорватское водное название *Tortiuа*, 1210 г. (отмечается в бассейне Савы – правого притока Дуная) Э. Дикенманн квалифицирует как дериват от некоего корня *trt-* (*tort-*), но отмечает неясность его семантики и сомнительность прочтения гидронима как *Trtiva* [13 (II: 148)]. Допустив отражение в рассматриваемом слове структуры типа *tъrt* или *tьrt*, можем предположить, что зафиксированная в средневековых документах форма объясняется в кругу производных с формантом *-tva*, ср., напр., аналогичные образования, представленные в псл. **bъrtva* < **bъrti*, **britva* < **briti*, **bitva* < **biti* [9 (3: 132)]. Отделив словообразующий

суффикс и определив таким образом морфемный стык, мы в оставшемся сегменте получаем корень **tbr-*, видимо, соотносительный с **tbrti* (: серб., хорв. *titi* ‘тереть, растирать’) ~ **terti*. Т. е. облик сохраненной в гидрониме лексемы (топографический термин, если гидроним не гетуинный) восстанавливается как **tbrtva* (**tbr-tva*), а выраженная в нем идея – указание на сильное течение, способное истачивать камень, подмывать (каменистый) берег.

Вместе с тем, учитывая существующее в литературе мнение о географии неоднократных миграций (как поступательных, так и возвратных) индоариев на территории от Дуная до Карпат [7: 185], возможно, стоит предположить, что слав. **tbrtva* (если опорная для его восстановления запись *Tortiuva* не содержит ошибку) представляет собой конечный результат морфологической перестройки какого-то неславянского – индоарийского названия, родственного санскр. *tīrthá* ‘брод’, ‘переправа’, ‘подход или ступени (к реке или жертвенному алтарю)’, ‘священное место для омовения’, *tīrthya* ‘относящийся к священному месту для омовений’ и под. [4: 243, 244].

17. Ст.-сл. ‘то, во что заворачиваются, облачение, одежда’ (Дополнение). В предшествующей статье этого цикла мы рассматривали названную лексему как рефлекс псл. **usna* < **udsna* < и.-е. **audh-sn-*, представляющее дериват с суффиксом *-sn-* от детерминативно расширенного **au-* ‘вязать, плести, заплетать; вить; ткать’ [см.: 1: 397]. Когда статья была в печати, оказалось, что мы не учли работу А. Мейе, в которой есть этюд, посвященный ст.-сл. ‘одежда, платье’, ‘кожа’ и

к ‘то же’. Оба варианта соотносятся с **ob-uti*. В первом автор видит суффикс *-smo-* (~ лит. *-sma-*, гр. *-ομο-*), другой выводится из **usmn-bje*, и таким образом для него предполагается форматив *-men-* (очевидно, имеется в виду его разновидность *-mn-*) [16: 428].

На наш взгляд, здесь в одной дефиниции совмещены омонимичные формы, нуждающиеся в разграничении. Для тех из них, что имеют семантику ‘кожа’ (именно их рассматривает М. Р. Фасмер в своем словаре, ср. тут рус. *усма́* ‘выделанная кожа’, слвн. *úsnja, úsnje* ‘кожа’ и др. с краткой ссылкой на версию А. Мейе и выводом, что существующие сближения неудовлетворительны [8 (IV: 171)]; значение ‘одежда, платье’ тут не фигурирует), формально действительно возможно вычленение суффиксов *-smo-* и *-mn-*, хотя этимологические истоки корневого **u-(smo-)* и характер его соотношения с **us-(mn-)* все равно неясен, как неясна причина, по которой этимологическое *s* не перешло в *x* после **u* по правилу «*guki*». Для тех же, что репрезентуют значение ‘одежда, платье’, ‘то, во что заворачиваются, облачение’, возможно истолкование в гнезде и.-е. **au-* ‘вязать, плести, заплетать; вить; ткать’ (во всяком случае, так объясняется каждый элемент структуры). Эту семантику не обязательно считать этапом развития ‘выделанная кожа’ → ‘одежда, облачение из кожи’: кожа – не единственный материал для изготовления одежды, тем более, что понятие ‘кожа’ не согласуется с семантикой слав. **ob-uti*.

18. Слвн. диал. *grlj* ‘сук в доске; сосновая ветка’ в этимологическом словаре Ф. Безлая квалифицировано как неясное [12: 178]. Кажется возможным трактовать эту лексему как продукт этимологического гнезда с заглавным и.-е. **ger-* ‘вертеть, поворачивать’, ‘наматывать; плести; извиваться’ (такого рода генетическая семантика – постоянный источник названий кривых, изогнутых, неровных предметов, ср. особенно в отношении «древесных значений» рус. *ветвь, ветка*, укр. *вітть* и др. ~ *вью, вить* [8 (I: 306); 10: 406–407], рус. диал. *кріві́на́* ‘изогнутая, искривленная палка, дерево’ ~ *крив* [9 (12: 163)] и др.). Здесь представлена ступень редукции указанного этимона плюс *l*-детерминатив, если мы не имеем дело

с реализацией в этом узком словенском диалектизме основы индоевропейского партиципиума perf. act. на *-l-* **gr-l-*, что также вероятно с учетом правила образования таких причастий от глагольных корней с вокализмом именно в этой ступени. В любом случае древнейший славянский облик этого слова – **gǫrlbь*. Ср. с другим формативом **gr-nó-s* > др.-инд. *guṇá-h* ‘веревка’ [17: 385].

Не исключен другой путь истолкования этого слова, в частности, как формы с поздним диалектным озвончением этимологического анлаутного **k-* > *g-*. В таком случае *grlj* – рефлекс псл. **kǫrlbь*, как и слвн. *krlj* ‘короткий ствол, пень’ ~ и.-е. **(s)ker-* ‘гнуть; вертеть; вращать’, ‘резать’ (об этом последнем см.: [2: 278]).

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Илиади А. И.* Этимологические заметки по славянской лексике. 6–12 / А. И. Илиади // *Slavia orientalis*. – 2006. – Roczn. LV. – № 3. – С. 393–399.
2. *Козлова Р. М.* Структура праславянского слова. Праславянское слово в генетическом гнезде / Р. М. Козлова. – Гомель: БелГУТ, 1997. – 412 с.
3. *Корзонюк М. М.* Матеріали до словника західноволинських говірок / М. М. Корзонюк // *Українська діалектна лексика: Зб. наук. праць* / [гол. ред. І. Г. Матвіяс]. – Київ: Наук. думка, 1987. – С. 62–267.
4. *Кочергина В. А.* Санскритско-русский словарь / В. А. Кочергина; [с прилож. «Грамматического очерка санскрита» А. А. Зализняка]. – [2-е изд., испр. и доп.]. – М.: Рус. язык, 1987. – 943 с.
5. *Словник гідронімів України* / [ред. А. П. Непокупний, О. С. Стрижак, К. К. Цілуйко]. – К.: Наук. думка, 1979. – 780 с.
6. *Словарь русских народных говоров* / [под ред. Ф. П. Филина и Ф. П. Сороколетова]. – Л.; С.-Петербург: Наука, 1965–2006. – Вып. 33. – 361 с.
7. *Трубачев О. Н.* *Indoarica* в Северном Причерноморье / О. Н. Трубачев. – М.: Наука, 1999. – 320 с.

8. *Фасмер М.* *Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / Макс Фасмер; [пер. с нем. и доп. чл.-кор. АН СССР О. Н. Трубачева; под ред. и с предисл. проф. Б. А. Ларина]. – [2-е изд., стереотип.]. – М. : Прогресс, 1986–1987. – Т. I–IV.*

9. *Этимологический словарь славянских языков: Праслав. лекс. фонд / [под ред. О. Н. Трубачева и А. Ф. Журавлева]. – М. : Наука, 1974–2012. – Вып. 1–38.*

10. *Етимологічний словник української мови: в 7 т. / [за ред. О. С. Мельничука]. – К. : Наук. думка, 1982. – Т. 1. – 631 с.*

11. *Ярославский областной словарь: Учеб. пособие / [науч. ред. Г. Г. Мельниченко]. – Ярославль: ЯГПИ им. К. Д. Ушинского, 1981–1991. – Вып. 1–10.*

12. *Bezljaj F.* *Etimološki slovar slovenskega jezika / F. Bezljaj. – Ljubljana : SAZU, 1976. – Knj. 1.*

13. *Dickenmann E.* *Studien zur Hydronymie des Savesystems / E. Dickenmann. – Heidelberg : Carl Winter, 1966. – Bd I–II.*

14. *Fraenkel E.* *Litauisches etymologisches Wörterbuch / E. Fraenkel. – Heidelberg: Carl Winter; Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht, 1962. – Bd I–II.*

15. *Machek V.* *Etymologický slovník jazyka českého a slovenského / V. Machek. – Praha: ČSAV, 1957. – 628 s.*

16. *Meillet A.* *Études sur l'étymologie et le vocabulaire du vieux slave / A. Meillet. – Paris : IDS 1961. – P. 2.*

17. *Pokorny J.* *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch / J. Pokorny. – Bern; München: Francke Verlag, 1959. – Bd I. – 1183 p.*

18. *Wörterbuch der russischen Gewässernamen / [Begr. von M. Vasmer]. – Berlin; Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1961–1969. – Bd I–V.*

19. *Walde A., Hofmann J. B.* *Lateinisches etymologisches Wörterbuch / A. Walde, J. B. Hofmann. – Heidelberg 1954. – Bd II.*

Етимологічні нотатки зі слов'янської лексики. 13–18

У статті, що продовжує авторський цикл етимологічних досліджень зі слов'янської лексики, наведені результати етимологічного аналізу ряду слів, які належать до найдавнішого хронологічного шару слов'янського словника. Реконструйовані в процесі етимологічної процедури праслов'янські форми, ізольовані в системі праслов'янського словотворення, можуть бути підставою також і для відновлення відповідних індоєвропейських прототипів.

Ключові слова: дериват, праслов'янський, етимологія, словотвір, прототип.

Etymological Notes on the Slavonic lexis. 13–18

This article continues the author's cycle of the etymological studies on the Slavonic lexis. The results of the etymological analysis of a number of words, which are relative to the ancient chronological stratum of the Slavonic vocabulary, are given in the paper. Proto-Slavonic forms, which are reconstructed in the process of the etymological procedure, and that are isolated within the system of the Proto-Slavonic word-formation, are also the basis for the reconstruction of appropriate Indo-European prototypes.

Key words: derivative, Proto-Slavonic, etymology, derivation, prototype.